

Сергей Буянов

*Восемь
на чёрное*

Сергей Владимирович Буянов

Восемь на чёрное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101729

ISBN 9785448337185

Аннотация

Как помочь человеку, который остался один на один с миром? Этот сборник – попытка найти восемь ответов на вопрос, который задавать уже поздно.

Содержание

Загадка	5
В третьем лице	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Восемь на чёрное

Сергей Владимирович

Буянов

© Сергей Владимирович Буянов, 2016

ISBN 978-5-4483-3718-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Загадка

Я иду под навесом заблудившегося неба; оно потеряло дорогу к солнцу и теперь плачет, роняя дождь. Капли разбиваются о мой черный балахон, осколки сыплются мне под ноги, в жидкость опавшей листвы. Босыми ступнями я погружаюсь в эту смесь – прозрачная вода на красных и желтых листьях. Листья чем-то похожи на бумагу: такие же чистые, на них так же, как и на бумаге, страшно оставлять следы.

Забредаю под козырек своего подъезда. Отсюда мне виден угол соседнего дома и низкая стальная дверь, ведущая в подвал. Когда-то над ней была вывеска «ВИДЕО». Из глубокого кармана, полного пыли, извлекаю старую измятую фотографию. На ней трое – я и два моих друга. Ветер подхватывает несколько капель и роняет их на наши бумажные лица; холодной ладонью я стираю эти слезы – тогда мы не плакали.

Да, тогда мы смеялись. И далеко было до осени – теплом дышало лето, и вместо дождя в желтом небе пылало красное солнце. И с радостью, весело болтая, мы спустились из раскаленного дня в прохладный полумрак. О, если бы мы знали, что входим не во тьму видеозала на время сеанса, а погружаемся в беспросветность жизни – навсегда! И никто из нас не понял, что в глазах высокого лысого билетера зловещий огонь блеснул совсем не случайно.

Но мы вошли и прошли и сели и смотрели и увидели

фильм. Фильм, ставший загадкой для нас.

И сейчас, в этот осенний день, промучившись столько лет, я все еще в плену той загадки. Так случилось, что оба моих друга сумели разгадать ее, а я все еще нет. Я все еще жив.

Сколько раз я смотрел в ночное небо: звезды, планеты, свет, тьма, холод, огонь, пустота... А есть ли там жизнь? Этот вопрос не раз мелькал в моей голове, но промелькнув, исчезал. Это – тайна, и суть ее в том, чтоб оставаться недоступной, оставаться живой. А загадка – она жаждет умереть и унести в небытие с собой тех, кто ее разгадал. И она не выпустит жертву, пока жива, а жертва жива лишь до тех пор, пока загадка ее терзает.

Тот фильм стал нашей загадкой. Он вцепился когтями в наши души и разум и с тех пор не отпускал ни на секунду, и с тех пор мы убили друг друга на две трети. Осталась лишь часть по имени я.

Сеанс закончился, загадка проникла в нас. Мы вышли из зала на улицу. Как изменился мир за эти два часа! Сверкающий день уступил место размытости сумерек. Вечер. Ничто не желает блеснуть в наших глазах – пустота вместо солнца. Еще не ночь. Расширенный воздух убрался ввысь. В образовавшийся вакуум из трещин земли и асфальта хлынул туман. По колено в этом поте земли мы разбрелись по домам, не попрощавшись, словно предчувствуя – ночью нам предстоит встретиться вновь.

Прежде чем впустить, мама долго разглядывала меня

в дверной глазок – она не сразу узнала своего сильно изменившегося за два часа сына. Ей до сих пор не известно, что же произошло со мной. Она может лишь догадываться о причине перемены – я постоянно ухожу от расспросов. В тот вечер я сразу ушел в свою комнату. Мама качнула мне в след головой.

А я лег спать. Вскоре из мрака вышла строка зеленых букв: «Вставай. Она ждет меня. Ты должен. Вставай. Она ждет тебя. Я должен. Встань. Я жду вас. Вы должны». Я прочел строку и встал. По моей голове ползал паук, вплетая в волосы сеть. Стряхнув всё это, я прислушался. Родители спят. Чтобы не потревожить их сон, я выбрался на улицу через окно по стволу растущего рядом со стеной дерева.

Было тихо. Ветер не трогал ни листочка. Лишь там, в поднебесье, луна неслась над огромным плоским стеклом с нарисованными на нем облаками. Неслась, вырывая из-под ног и запрокинутой головы землю, швыряя на спину, сжимая мутью голову.

Захватив на ближайшей стройке автоген и баллоны с газом, я подошел к запертой двери видеозала. Друзья уже были там. В задумчивом молчании мы подготовили аппарат к работе и уже собирались зажечь горелку, когда услышали шум крыл. В пятно фонарного света на тротуаре опустилась массивная сова; она уставилась на нас шарами желтых глаз, и мне показалось, что клюв ее приоткрыт в насмешливой ухмылке. Внезапно из-за границы света на сову набросились

три кота. Вспыхнула яростная схватка. Отбиваясь крылами, клювом и когтями, окровавленная птица сумела вырваться. Припадая на одно крыло, она улетела. На асфальте остались коты. Два из них – синий и коричневый – держали в зубах пучки перьев; но раны их были смертельны. Истекая кровью, они уползли во тьму умирать. А третий – черный, с белыми концами лап, ставшими красными от чужой крови, – остался в круге света, скаля зубы в бессильной ярости: он не успел вырвать из хвоста птицы свою треть перьев. И не успел умереть.

Тогда мы ничего не поняли. И лишь теперь, оставшись в одиночестве, я постиг весь тягостный смысл того зловещего знака. На мои босые ноги налипли красные листья, а дерево передо мной – с золотой кроной, похожей на фонарь. Я покажу ему зубы.

На рассвете мы вышли из видеозала через сгоревшую в кислороде стальную дверь. Вслед за нами сквозняк нес запах дыма: пленка видеокассеты с фильмом-загадкой не выдержала этой ночи. Сотни раз мы прогнали фильм по экрану в ускоренном темпе. Тщетные попытки найти ответ или хотя бы подсказку свели нас с ума. В конце концов, пленка так нагрелась от трения, что вспыхнула пламенем синего цвета. Это произошло так быстро, что никто не успел добежать до огнетушителя. Мерцающий танец мгновенных язычков – и все. Зарыдала, превратилась в пепел и развеялась сквозняком единственная нить, способная вывести нас из лабирин-

та. И осталось одно – идти наугад и ждать помощи оттуда, из-за летящих птиц.

А небо побледнело в заре рассвета. Я удивился, увидев, что кот все еще скалится под серым фонарем. Я взял его на руки. Камень. Черная статуэтка из теплого камня. Он жив каменной жизнью. И я взял его с собой; пусть стоит на моем окне, вонзив клыки в солнце, луну или тучи. А когда мне станет холодно, я прижму этот сгусток тепла к черной ткани своего балахона там, где сердце.

Но и на эту радость – прижать к груди каменного друга, не говоря уж о встрече с друзьями настоящими, – теперь не было времени. Медитация, единственный оставшийся путь к ответу, забирала ночи, вечерние и утренние сумерки. Лишь днем можно было позволить себе на несколько часов забыться полупрозрачным сном, который время от времени прерывали кошмарные видения.

Ах, почему луна не умеет говорить! Она рассказала бы вам об этой ночи. Светлыми лучами она заливает комнату и видит меня, сидящего на полу в позе лотоса. Глаза мои устремлены в бесконечность, руки лежат на коленях. Я сижу так уже давно. Кот на подоконнике охраняет мой покой и изредка поглядывает в окно – он надеется на встречу с совой. Под столом валяется книжка с надписью на обложке «Способы медитации»; она оказалась бесполезна для меня. Мне не нужны все предлагаемые в ней темы для размышлений. Единственная тема, интересующая меня, тема, которая все-

гда со мной – моя загадка, и я думаю над ней вот уже скоро до утра. «Глаз тигра» – так назывался фильм, увиденный нами, но неизвестно, почему его так назвали. В этой картине присутствовали красивые женщины и сильные мужчины – но не было ни одного тигра. Там был автомобиль, огневой мощью и неуязвимостью не уступающий танку «Тигр». Но все-таки, если под тигром подразумевался этот автомобиль, оставалось неясным, причем здесь глаз. Я сидел и медитировал. Я стирал из сознания все, кроме двух черно-желтых слов: глаз тигра. Но рожденные этим словом ассоциации не имели ничего общего с содержанием фильма. Тогда я удерживал в голове сюжет, но построить ассоциативную цепь, связавшую бы его с названием, было невозможно. Так я довел себя до изнеможения, и когда наступило утро, повалился спать. Выспался неплохо, ничто не потревожило мой сон, но проснулся со странным ощущением, как будто понес невозполнимую утрату. С душой, придавленной к телу тягостным предчувствием, я пошел на кухню.

– Сядь, поешь, – сказала мама, – потом сходи за хлебом и вынеси мусор.

А я стоял и не двигался, не трогал налитый мне суп. Я все понял каким-то шестым чувством и теперь ждал роковых слов. И они прозвучали:

– Да, кстати, пару часов назад звонил твой друг, но я не стала тебя будить. Ты так хорошо спал.

ТЫ ТАК ХОРОШО СПАЛ. А почему бы не сказать: ты так

красиво сходил с ума; ты с таким изяществом агонизировал; ты терял единственную возможность избавиться от вечных страданий, но как ровно ты при этом дышал! Да, мама, не те слова. Если я опоздал... А я опоздал, я знал это, но все же бежал туда.

В квартире моего друга было полно народа, и все они столпились как раз возле его комнаты. Я попытался протиснуться между спинами – не удалось. Тогда я стал на колени и пополз меж ног. Приблизившись к краю толпы, я раздвинул полы чьего-то длинного плаща и заглянул в комнату. На полу сидели оба моих друга – ноги скрещены, глаза в бесконечности, на губах улыбки счастья и умиротворения. Им уже хорошо.

И я почувствовал себя одиноким. Более одиноким, чем мама позвонившего мне друга; она рассказывала сейчас гостям, что сын выскочил из своей комнаты в полдень и принялся кричать в телефонную трубку какие-то непонятные фразы: мол, он на пороге чего-то, он чувствует приближение озарения, которое должно открыть ему ответ на что-то. Ему удалось докричаться до друга номер три, а я в это время так хорошо спал... И теперь не моя мама проклинала себя за то, что не следила, с кем дружит ее сынок; и в ответ на молитвенный взгляд не моего отца в недоумении пожимал плечами доктор, только что закончивший осмотр двух безжизненных тел. Вдруг что-то теплое упало мне на щеку: слезинка. Я посмотрел вверх, на мужчину, из-под чьего плаща я выгля-

дывал – он плакал. Лучше бы вы плакали по мне, подумал я и пополз к двери и пошел домой.

И вот теперь я стою у своего подъезда, смотрю на старую фотографию и вспоминаю своих друзей. Им сейчас хорошо. А мне осталась тяжесть вечного поиска и призраки. Да, призраки. Вот, например, идут призраки моих друзей. Они думают, что меня можно обмануть. Они выражают свой восторг по поводу вчерашнего фильма с красивыми женщинами, сильными мужчинами и танкоподобным автомобилем. Они надеются, что я тоже выражу свой восторг по поводу этого вчерашнего фильма. Но мне фильм не понравился. Они говорят, что сегодня днем ходили на этот фильм опять, но забыли мне позвонить и позвать с собой. Они протягивают ко мне свои руки для рукопожатия. Но я не собираюсь пожимать руки призракам. Я знаю – их руки – туман. А призраки, забыв о своих руках и обо мне, идут дальше, туда, где над стальной подвальной дверью опять, как много лет назад, выткалось слово «ВИДЕО». А забытые призраками бестелесные руки тянутся ко мне, тянутся к моему горлу. Но вдруг огромная тень накрывает их. Это с козырька подъезда прыгает мой огромный черный кот. Он обнимает меня своими лапами и прижимает к черной шерсти своей груди там, где сердце.

В третьем лице

Как это? – вдыхаешь тепло, выдыхаешь крик. Сталь повернутых петель открываемой двери скрипит, пытаюсь резать слух. Я пытаюсь видеть сон. Кто-что-сон. Кого-чего-сна. Кому-чему-сну. Три шестых сна. Дальше свет пытается бить в глаза. Дальше кто-то бьет в подбородок; что-то теплое стекает с подбородка в рот. Глотаешь тепло, выдыхаешь стон.

Открываются глаза. Передо мной стоит монах. Странно стоит, пытаюсь меня удивить: ногами на потолке, головой свисает вниз. Черная ряса, белый капюшон – Доминиканский орден – залиты кровью. Капюшон надвинут до подбородка, глаз не видно в узких прорезях. У ног монаха стоит ведро, полное воды. Он поднимает его и выплескивает воду на меня. Смотрю на монаха и чувствую, как его вода стаскает вверх по моей шее, обтекает подбородок, затекает в рот, затекает в глаза, смывая с рясы монаха кровь, подхватывает меня, переворачивает, цепляет за ноги к потолку. Монах в чистой рясе уходит по полу из поля моего зрения. Появляется другой в такой же рясе, с таким же капюшоном, но в его руке не ведро с водой, а факел с огнем. Он склоняется ко мне и освещает факелом свои глаза в прорезях:

– Восемь лет – долгий срок, но может быть, ты помнишь меня?

Открываю глаза, вижу его глаза, вспоминаю его лицо

и плюю в левую прорезь. Не хочу разговаривать. Он ловко уклоняется, появляется первый монах. Он бьет меня пустым ведром в лицо и уходит. Снова появляется факел, и монах висит на его рукоятке. Ладно, поговорим. Монах возбужденно шепчет:

– Рад, что ты узнал меня. Теперь постарайся вспомнить мое имя...

Пёс. Я говорю ему, что имени у него нет и никогда не было.

– Как так? А это что? – Монах проводит пальцем по моему окровавленному лицу и пишет моей кровью по ткани капюшона у себя на лбу две большие красные буквы: «В.И.»

– Разве это не мое имя?

Отвечаю ему, что он – пес, и «Великий Идиот» его кличка, а не имя. Он бьет меня рукояткой факела и шепчет, что идиот – я, а он хоть и пёс, но Пёс Господа, и это Господь дал ему его имя.

Я говорю, что идиот все-таки он: имя нельзя дать или получить. Каждый сам ищет свое имя.

Он отвечает, что слышал эту ересь восемь лет назад и поражен моим упрямством и моей тупостью. Мне давно пора понять и признать, что все мы – в руках Господа, Он ведет нас по дороге жизни, Он дает нам наши имена. Мне он дал сначала имя Филиппо, потом Джордано. Я должен признать это, если хочу спастись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.